

ские части. Не отказывалась и от маленьких ролей. Так, в опере В. Губаренко "Вий" народная артистка страны Сергиенко исполняла даже безымянную роль, обозначенную, как "нянька панны" (не знаю, что чувствовала при этом сама Раиса Михайловна, но мне было больно за нее: талант певицы и актрисы был достоин совсем иного применения).

К ней, к счастью, придет "вторая молодость": роли Любки, а затем Хиври в "Семене Котко", царевны Софьи в "Петре I", Сусанны в "Хованщине", роли матерей в "Семье Тараса", в опере "В бурю", в "Наталке-Полтавке" (в молодости она пела партии дочерей этих героинь). Сергиенко успешно вошла в старый спектакль "Царской невесты", создав запомнившийся образ Сабуровой. Ее последняя премьера — Ковалиха в "Незранных любови".

Всего было спето около сорока партий, но они не исчерпали возможностей певицы. Она могла бы быть интересной Кумой ("Чародейка"), Февронией ("Китеж"), Иоанной ("Орлеанская дева"), Катериной Измайловой ("Леди Макбет Мценского уезда"), Анной ("Украдене щастя"), Шинкаркой в "Борисе Годунове"... Последняя роль была вполне реальной, но в ней отказали, ссылаясь на то, что партия написана для меццо-сопрано. А спела Шинкарку... сопрано, правда, жена режиссера. Это была последняя и особо горькая обида...

...Сергиенко унесла тяжкая "болезнь века". Остались добрые воспоминания о хорошем человеке, большой певице, имя которой вошло в историю консерватории, ныне в ранге музыкальной академии отмечающей свое девяностолетие, Театра оперы и балета, города, да и всей страны, а — главное — оно в сердцах тех, кто имел счастье слушать и видеть Раису Михайловну.

Философия и фантазия

Творчество Михаила Рева вызывает и у зрителей, и у нас, скульпторов, художников, неослабевающий интерес. Действительно, с самого начала творческого пути его произведения свидетельствовали, что каждая его удача не случайна, а вписана в концепцию художника со своим видением мира, а пройденная им школа (Высшее художественное училище имени В. Мухомовой в Ленинграде) счастливым образом совпала с его внутренним ощущением смысла в искусстве.

Он очень рано понял, что эмоциональное воздействие изобразительного искусства возможно только с помощью пластических форм, и никакое самое достоверное подражание натуре не заменит этого. Вместе с тем все его работы есть результат прямого следования природе, изучения принципов построения всего живого.

Он внимательно следит за тем, как растет дерево, он влюблен в биологические формы обитателей моря и вообще животных. Он знает, как вода и ветер обтачивают камень. Из всего этого Михаил Рева создает свой мир, свои фантазии.

Путь философского осмысления в искусстве всегда сложен и иногда заводит в дебри противоречий, из которых трудно выбраться. Но у Миши есть путеводная звезда — это безупречное чувство красоты. Думаю, что он из тех людей, которые верят, что красота первична и спасет мир. Это эстетическое чувство прекрасного редко подводит его. Все его скульптуры, его призы, скрипки, раковины, прежде всего, очень красивы как предметы искусства, ими можно любоваться, к ним хочется прикоснуться рукой.

Автор сам верит в то, что мир этот добрый и чистый, и эта детская наивность подкупает зрителя. Миша может сделать произведение из чего угодно. Если ему дать в руки обломок ветки, булыжник и спичечную коробку, он создаст из этого замечательно красивую композицию.

То, что может сделать он, нельзя повторить, этому невозможно научиться, это дар Божий. Очень часто Михаил обходится в своих произведениях без участия человеческой фигуры, он использует абстрактные формы, просто предметы, такие как скрипка или стул, или часы. Думаю, он делает это не оттого, что разочарован в человеке, а в поиске новых выразительных средств в искусстве.

Для него любой предмет в этом мире может быть прекрасным и неповторимым, просто его нужно увидеть глазами художника. В этом смысле

замечателен его проект музыкального фонтана в виде концертного рояля, выполненный с огромной фантазией и остроумием. Будет большой удачей для города, если этот проект осуществится в Одессе на Театральной площади.

Одной из сильных сторон художника является его жажда расширять горизонты своей деятельности. У него великолепная графика, он делает эскизы для кино, театральную сценографию, ювелирные работы. Сейчас занимается компьютерной графикой.

Все это говорит о масштабе личности. Думаю, что в данном случае личность художника и человека гармонично совпадают. Миша Рева такой же красивый и обаятельный, как его работы.

И, наконец, мне хочется подчеркнуть, что одной из составляющих частей творчества Михаила Ревы является Одесса. Он вырос здесь и впитал в себя ее творческую энергию, духовную среду и даже дух предприимчивости. Да и, думаю, он не состоялся бы без этого моря, без этого солнца, а главное, без особенностей культурных традиций нашего города.

Сегодня Михаил Рева в расцвете сил, и все говорит о том, что он в начале поисков истины в искусстве, и хотя поиск истины вечный процесс, но, как правило, он приносит художнику новые эстетические открытия.

"Самоубийцы"

История изобразительного искусства Одессы 20-х годов прошлого века складывалась из мозаики различных художественных объединений, творческая судьба которых ныне мало известна. Причин подобной ситуации несколько. Это и весьма короткие периоды их деятельности, скудость печатного материала тех лет, скромность архивных свидетельств.

Сегодня, когда интерес к подобным "неопознанным явлениям", наконец, из ранга мифов и предположений перемещается в область исследований, на сцену выходят события, хотя и не зафиксированные письменно, но сохраненные памятью их некоторых очевидцев. Так случилось и с материалом, который впервые публикуется на этих страницах. Изложенное ниже впервые было рассказано много лет назад автору этих строк старейшим одесским художником Яковом Иосифовичем Ольшанецким (1898-1982) и подтверждено его дневниковыми записями, сведениями немногочисленных архивов.

Предмет нашего интереса — короткий период деятельности в Одессе группы футуристов, членом которой в начале 20-х годов был сам Ольшанецкий, который пронес сквозь непростые десятилетия своей жизни память о тех днях.

Свое повествование художник начал с весьма интригующего факта. 1921 год. Холодным январским вечером небольшая группа людей в одеждах, напоминающих театральные костюмы, шумно двигалась по ул. Успенской. Рядом по мостовой катил экипаж, доверху заваленный холстами, подрамниками, рулонами картона и бумаги. Свернув на Маразлиевскую, необычная процессия остановилась у небольшого двухэтажного особняка. Люди, а это оказались художники, стали разгружать колымагу и цепочкой переносить ее скарб в темную подворотню. Вскоре в желтых проемах окон ритмично задвигались серые тени, немало удивляя прохожих, уже привыкших к грустному молчанию дома, недавно покинутого его хозяином — торговцем камнем и известью.

Еще не перестроенная потребностями коммуналки, анфилада трех больших комнат стала временным прибежищем художников, решивших заявить о своем существовании необычной выставкой. Она, как им казалось, сулила не только успех, но и признание нового революционного искусства, которое с трудом воспринималось местными "любителями изящного". Художники свято верили в то, что материализованный отпечаток